

Научная статья
УДК [271.2-053.6:94:008](740.11)(045)
doi: 10.17223/2312461X/48/5

«Коллективная биография» подростков-обетников, проживавших в монастырях Архангельской губернии на рубеже XIX–XX вв. (на основе нарративных источников)

Яна Эдуардовна Харитоновна

Национальный парк «Кенозерский», Архангельск, Россия, khyana@rambler.ru

Аннотация. Представлен опыт исторического исследования закономерностей «коллективной биографии» подростков-обетников, проживавших в обителях Архангельской губернии на рубеже XIX–XX вв. Предметом изучения являются воспоминания крестьянских детей-годовиков. Анализируются взаимоотношения представителей монашества и крестьянства, позволяющие воссоздать особенности ушедшей эпохи, когда представления крестьян о мире дополняются описанием повседневных особенностей отдельной группы – монастырских обетников. Исследование основано на нарративных документах, хранящихся в центральных, региональных и частных архивах. Новизна исследования обусловлена недостаточной изученностью вопроса работы подростков в монастырях по обету как формы взаимодействия северных монастырей и крестьянского мира. Монастырское обетничество было полезно для обеих сторон: крестьянские дети обучались грамоте, приобретали трудовые навыки и социализировались в трудовой среде; монастыри, привлекая крестьян к выполнению различных работ, укрепляли экономические связи с крестьянским социумом, создавали предпосылки для восполнения братии.

Ключевые слова: подростки-обетники, «коллективная биография», крестьянский социум, монастыри Архангельской губернии

Для цитирования: Харитоновна Я.Э. «Коллективная биография» подростков-обетников, проживавших в монастырях Архангельской губернии на рубеже XIX–XX вв. (на основе нарративных источников) // Сибирские исторические исследования. 2025. № 2. С. 92–112. doi: 10.17223/2312461X/48/5

Original article
doi: 10.17223/2312461X/48/5

“Collective Biography” of Votive Adolescents at Monasteries in Arkhangelsk Region at the Turn of 19th – 20th Centuries (Study Based on Narratives)

Yana E. Kharitonova

Kenozero National Park, Arkhangelsk, Russian Federation, khyana@rambler.ru

Abstract. The article presents the experience of historical research into the patterns of collective biography of adolescent votive monks who lived in the monasteries of the

Arkhangelsk province at the turn of 19th and 20th centuries. The subject of this study is memories of peasant children. The article concentrates on relationship analysis between monasticism and peasantry. It offers an opportunity to recreate some features of this bygone era and to learn how peasants' worldviews were mirrored in the everyday activities and features of adolescent votive monks. The study is based on narrative documents kept in central and regional archives. The novelty of the study stems from the insufficient information and research on adolescent work in monasteries as a form of interaction between northern monasteries and peasantry. Monastic vows were useful for both sides: peasant children learned to read and write, acquired work skills and were socialized in the working environment; monasteries strengthened ties with peasant communities and created preconditions for replenishing their brotherhood.

Keywords: votive adolescents, collective biography, peasant society, monasteries of Arkhangelsk region

For citation: Kharitonova, Ya.E. (2025) "Collective Biography" of Votive Adolescents at Monasteries in Arkhangelsk Region at the Turn of 19th – 20th Centuries (Study Based on Narratives). *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia – Siberian Historical Research*. 1. pp. 92–112. (In Russian). doi: 10.17223/2312461X/48/5

Термин «коллективная биография» употребляется в научной среде в условно социологическом значении по отношению к множественному объекту с каким-то объединяющим его компоненты признаком (Пронин 2015: 181). Основой «коллективной биографии» становятся воспоминания, нарративы группы людей, прошедших схожие отрезки жизненного пути. Особым видом нарративов являются крестьянские воспоминания, описывающие повседневную жизнь народа. Яркой демонстрацией личности автора в таких источниках служат сюжеты автобиографии, личные переживания и эмоции (Дневник тотемского крестьянина... 1995; Плисак 2008: 125–129; Мужской род... 2013; Текст дневника... 2013: 17–149; Слепцова 2017: 79–96).

Предметом данного исследования стали воспоминания крестьян – бывших подростков-обетников, проживавших в северных монастырях на рубеже XIX–XX вв. Этот тип нарративного источника может служить материалом не только для анализа биографических аспектов конкретного человека, но и для изучения поведения других членов данной референтной группы. Анализ ситуаций взаимодействия подростков-обетников и монашествующих дает возможность получить представления о разных сторонах как внутримонастырского существования, так и жизни подростков внутри монастырских стен.

В статье предпринята попытка исследовать закономерности «коллективной биографии» подростков-обетников и реконструировать ее часть, относящуюся к жизни подростков в монастырях Архангельской губернии на рубеже XIX–XX вв.

Основные сведения по данной теме можно извлечь из нарративных источников, находящихся в собраниях Отдела письменных источников ФГБУК «Кирилло-Белозерский историко-архитектурный и художе-

ственный музей-заповедник» (Смирнова, Беляева 2009), Древлехранилища Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (Воспоминания Григория Яковлевича Ситникова...; Карпов И.С. По волнам житейского моря. Воспоминания...), научного архива ФГБУК «Соловецкий государственный историко-архитектурный и природный музей-заповедник» (Кошилев, Балыченко 1981; Кондратьева, Карачун 1982; Кондратьева, Курганова 1983; Цыварев б.г.). Некоторые воспоминания опубликованы – например, полевые материалы этнографических экспедиций фольклорной секции Союза советских писателей и Государственного литературного музея, собранные в 1934–1937 гг. в деревнях Приморского района Архангельского округа Северного края, и мемуары об истории семьи (Рождественская 1941: 30–50, 166–203; Лебедева-Королева 2019). Отдельные воспоминания находятся в семейных архивах (Интервью Т.С. Минаевой... 2022).

Вопрос работы в северных монастырях мирян-обетников частично рассматривался в дореволюционных путевых очерках отечественных и зарубежных авторов: освещались причины, по которым обетники приходили в монастыри, а также отдельные аспекты их повседневной жизни (Рае Е. 1881; Федоров 1889; Немирович-Данченко 1901). Современные российские исследователи рассматривают обычай труда мирян в обителях по обету как многовековую традицию русского народа. По словам историков, особая значимость придавалась и придается духовной составляющей обетничества, желанию «духовно потрудиться» в монастыре, взяв на себя что-то сверх повседневных христианских обязанностей (Кремлева 2001, 2010; Алексеева 2014). Сходным образом монастырский труд мирян освещают зарубежные исследователи (Olsen 2000; Papanopoulos 2010). Распространение традиции обетничества на территории Архангельской губернии на рубеже XIX–XX вв. нашло отражение в исследованиях последних десятилетий (Бернштам 1983; Цветкова, Трошина 1987–1989; Ведерникова 2014).

Методологической базой исследования стал системный подход, анализирующий особенности крестьянского и монастырского быта, отраженные в воспоминания бывших подростков-обетников и связанные с историей общества. Рассматриваются также отдельные моменты биографий авторов, исследуются их взаимоотношения с другими членами монастырского социума, а также задачи, которые авторы выполняли в данном сообществе. В исследовании использован просопографический метод, дающий возможность изучать историю в динамике жизненного пути конкретного человека (Юмашева 1994; Петрова 2005: 641–643; Григорькин 2007: 43–45).

Традиция работы на монастырь по обету была широко распространена на Севере России. В конце XIX в. число взрослых обетников в Соловецком монастыре, например, в год составляло от шестисот до тысячи

человек (Сошина 1993: 3). Но наряду с взрослыми трудниками и сезонными рабочими монастыри принимали в качестве работников и подростков-обетников. В этом статусе через северные монастыри прошли многие жители как Архангельской губернии, так и других регионов России. Среди жителей близлежащих к Соловецкому монастырю деревень было много тех, кто в детстве и юности получил в обители те или иные трудовые навыки (Кондратьева, Карачун 1982: 37).

В мужских северных монастырях – Соловецком, Кожеозерском, Артемиево-Веркольском, Пертоминском, Трифоно-Печенгском, трудились по обету дети не только русских крестьян, но и представителей северных народов – лопарей и зырян (Кошелев, Балыченко 1981: 5). Монастыри брали на себя обязательства содержать детей и учить их грамоте и ремеслу. Мальчики посещали занятия по Закону Божию, чтению, чистописанию, церковному пению, в воскресные и праздничные дни присутствовали на богослужениях. Для работы с обетниками в монастырских мастерских назначали специалистов из братии.

Малолетние мальчики-обетники трудились в монастыре бесплатно, только «из-за хлеба», с 16 лет им полагалась плата за их труд. Их рабочий день по продолжительности равнялся рабочим часам взрослых трудников. Хотя монастыри задействовали детей на тех же послушаниях, что и взрослых, но чаще мальчиков посылали на более легкие работы.

Проживание в монастыре для детей было полезным. Почти всегда они приезжали в обитель не подготовленными ни к какой ремесленной работе. В монастыре дети имели возможность присматриваться к ведению различных отраслей хозяйства и техническому оснащению монастырских производств, приобретали различные трудовые навыки (Немирович-Данченко 1901: 66). Некоторые из детей оставались в обители дольше положенного времени (Кондратьева, Курганова 1983: 17). По окончании срока исполнения обета каждому юному насельнику монахи дарили на память подарки – деревянные ложки «с благословением» или литографические изображения памятных мест монастыря.

Причины обетничества

Основной причиной, заставлявшей ехать в «крайсветную обитель», были несчастья и болезни. За малолетнего ребенка обещание потрудиться в монастыре давали родители. Большинство таких обещаний исполнялось, иногда со значительной задержкой во времени (Смирнова, Беляева 2009: 307).

Болезнь, перенесенная во младенчестве, привела в Соловецкий монастырь Григория Яковлевича Ситникова (1859 г. р.), крестьянина деревни Верхний Березник Ущельского прихода Мезенского уезда Архангельской губернии. В 1886 г. он трудился в Соловецкой обители, исполняя

данный родителями обет: «У меня у годового была трясучая болезнь, потому родители мои и дали обещание год жить и работать в Соловецком монастыре» (Воспоминания Григория Яковлевича Ситникова...).

Детское заболевание стало причиной работы на Соловках и Егора Степановича Цыварева (1891 г. р.), крестьянина деревни Долгое Архангельского уезда Архангельской губернии (Цыварев 2010: 97–102). Егор Степанович вспоминал: «...году от рождения еще не было, был у меня внутренний нарыв в горле, призван был фершал. Слышал от бабушки и матери, что фершал сказал тогда: “До утренней зари, дольше не проживет”. Бабушка и мать дали обет в Соловецкий монастырь: если выживу отправят меня потрудиться в монастыре. Поутру благополучно прошло». В 1908 г., по достижению им 17-летнего возраста, он был отправлен на Соловки» (Цыварев б.г.).

Таким же образом оказался в числе соловецких обетников Николай Васильевич Макаров (1867–1926), крестьянин деревни Матурино Череповецкого уезда Новгородской губернии. В 5-летнем возрасте он обварил руку крутым кипятком. Лечение не помогало, рука не заживала, стала болеть кость. Мать дала обещание Богу, что в случае выздоровления отправит сына на год на Соловки. В течение всего детского возраста Николай Васильевич перенес много заболеваний: «Воспоминания моей детской жизни – это ни что иное, как постоянная почти болезнь, а именно: золотуха, корь, оспа, глазная боль и летучий ревматизм, который я узнал с 6-го года и вылежал в постели более месяца, и мать просила меня дать обещание, если я выздоровею, то когда будет мне лет 14–17, отправлюсь [в] Соловецкий мон[астырь] и проживу там год, работая на монастырь, и что же я выздоровел благодаря Бога и св[ятых] угодников Соловец[ких] Зосимы и Савватия» (Смирнова, Беляева 2009: 308). Однако до монастыря Николай Васильевич доехал только в 1887 г. после очередной болезни, пообещав, что, если «выздоровею молитвами преп[одобных] угодников Зосимы и Савватия, то на будущую весну обязательно исполню свое обещание» (Смирнова, Беляева 2009: 308).

По причине болезни родных трудился обетником в Соловецком монастыре Степан Гаврилович Королев (1881 г. р.), крестьянин деревни Печерино Забелинской волости Устюжского уезда Вологодской губернии. Его мать сильно заболела и дала обет в случае выздоровления отправить одного из сыновей в монастырь на три года в работники. Выбор пал на 14-летнего Степана как на самого физически слабого, так как его отсутствие в семейном хозяйстве было наименьшей потерей (Лебедева-Королева 2019: 376).

Из-за данного родителями обета попал на Соловки Иван Степанович Карпов (1888 г. р.), крестьянин деревни Пермогорье Красноборского уезда Вологодской губернии (Карпов И.С. По волнам житейского моря. Воспоминания...). Впервые Иван Степанович побывал на Соловках в

1899 г. Его мать при родах младшего сына дала обещание съездить к преподобным Зосиме и Савватию, взяв с собой старшего Ивана (Маркелов, Гречишкина 1992: 12). А в 1902 г. мать отправила его в Соловецкий монастырь на год. Интересно, что с мальчиком поехал пожилой крестьянин из соседней деревни «60-ти с лишком лет». Он ехал в возмещение того, что не выполнил в молодости данного обета. В качестве исполнения обещания старик «выкормил красавца-жеребца рыжей масти и повез его в Соловецкий монастырь» (Маркелов, Гречишкина 1992: 16).

Еще одной причиной работы в монастыре детей-обетников были обещания, данные их родителями в неурожайные годы. Отправка в это время в обитель детей, с одной стороны, спасала их от голода, а с другой – позволяла выжить оставшимся членам семьи при нехватке продуктов. По этой причине поступил обетником в Соловецкий монастырь Матвей Осеевич (фамилия не указана) (1879 г. р.), крестьянин деревни Лопшеньга Архангельского уезда Архангельской губернии; он был отдан в обитель из многодетной семьи «с хлеба долой» (Рождественская 1941: 217).

Северные монастыри, принимавшие детей-обетников

Анализируя воспоминания, выясняется, что самыми посещаемыми обетниками северными монастырями были мужские Спасо-Преображенский Соловецкий и Свято-Троицкий Трифоно-Печенгский. При этом если в Соловецкий монастырь для работы по обету крестьяне ехали в течение почти всего периода существования обители, то Трифоно-Печенгский монастырь стал принимать обетников с момента своего возрождения в 1886 г. Иван Степанович Карпов вспоминал, что, добравшись до Соловецкого монастыря, обетники узнали, что из-за молодого возраста их могут не оставить на архипелаге, а послать в строящийся Трифоно-Печенский монастырь. Реакция желавшего остаться на Соловках подростка была яркой: «О, горе! куда за океан увезут – со скуки помрешь!» (Маркелов, Гречишкина 1992: 16).

Из семи авторов воспоминаний, приведенных в данном исследовании, пятеро – Егор Степанович Цыварев, Степан Гаврилович Королев, Иван Степанович Карпов, Матвей Осеевич (фамилия не указана) и Григорий Яковлевич Ситников, работали по обету только в Соловецком монастыре. Николай Васильевич Макаров трудился по обету и на Соловках, и в Трифоно-Печенгской обители. Аристарх Максимович Черепанов работал в качестве обетника только в Трифоно-Печенгском монастыре.

Интересно, что те из подростков-обетников, кто трудился впоследствии в Трифоно-Печенгском монастыре, первоначально ехали работать на Соловки. Так попал на Кольский полуостров Аристарх Максимович

Черепанов (1885–1973), уроженец Вельского уезда Вологодской губернии. В 1900 г. в возрасте 15 лет его отправили в Соловецкий монастырь во исполнения родительского обета. Добравшись до Архангельска, он узнал, что «нашего брата – даровых работников, полон город <...> Шляясь между таких же ребят, мы услышали, как один взрослый человек говорил, что можно поехать в Трифоно-Печенгский монастырь и что он строится от Соловецкого монастыря. Мы обратились к нему, он сказал, чтобы мы шли в корпус № 7 и спросили отца Семена. Нашли, отдали ему свои паспорта, он дал нам записочку и указал номер ларька, куда следует обратиться, сказав, что нам там отпустят продуктов на дорогу» (Из воспоминаний Аристарха Черепанова б.г.).

Оказался в Трифоно-Печенгском монастыре, отработав по обету некоторое время на Соловках, и Николай Васильевич Макаров: «...я находился в сапожной мастерской два месяца, потом работал на покосе недели две и по прибытии с покоса <...> богомольцы, остававшиеся в монастыре, рассказывают, что приехал строитель Печенгского монастыря, который находится близ норвежской границы <...> и спрашивает желающих за послушание <...> ехать в Печенгский монастырь потрудиться <...> так как означенный монастырь <...> только начал возобновляться несколько лет тому назад <...> В числе 15 человек я так же пожелал отправиться в Печенгу <...> меня интересовало увидеть Северный край, народы, образ жизни, Ледовитый океан, так как до сего времени, кроме Белого моря, не бывал в плаваниях по морю. <...> И вот, отслушав напутственный молебен и получив благословение отца архимандрита Зосимы <...> отправились из Соловецкого мон[астыря] в Трифоно-Печенгский чрез город Архангельск на пароходе “Соловецкий”» (Смирнова, Беляева 2009: 318).

Дорога в монастырь

В Соловецкий монастырь обетники добирались через монастырские подворья на материке. В Архангельске они ожидали монастырский транспорт на двух подворьях – Соловецком и Соломбальском. Первое располагалось в центре города на берегу реки Северной Двины, второе – в черте города, на Соломбальском острове. Соловецкий монастырь имел подворья и на Кольском полуострове. В городе Кемь подворье обители, по разным сведениям, находилось или в районе Баб-губы, или на Поповом острове. В городе Сумской посад также имелось монастырское подворье, при котором для путешествующих была устроена гостиница (Волкова 2010: 104).

Егор Степанович Цыварев вспоминал: «Ехал из Соломбалы, с Соловецкого подворья, на пароходе “Соловецкий”. Капитан парохода был из поморов, наемный. Команда – тоже вся наемная. Только официант для

первого класса – из годовиков, из ребят. Мы все время на воды, качки не боялись. А были вологодские, вятские <...> из разных губерний, те шторма боялись. Все, которые воды не видали, те в трюмы. Катаются, спускают обоими концами. На палубе совсем мало ехало. Пароход “Соловецкий” ходил за 12 часов, “Михаил” – за 16 часов, “Вера” – за 14–15 часов. Столько же “Вера” ходила, если буксировала трехмачтовый корабль» (Цыварев Е.С. б.г.).

Николай Васильевич Макаров добирался до Вологды из Череповецкого уезда Новгородской губернии на перекладных, «от Вологды до Архангельска ехали все “водяным путем”: Вологдою – речкою 30 верст, потом Сухоною 500 верст» (Смирнова, Беляева 2009: 311). В Архангельске «остановились сначала в гостинице, но, узнавши, что для богомольцев есть две гостиницы Сол[овецкого] мон[астыря]: одна недалеко от гостиницы, а вторая в пригородке города Архангельска, верстах в 5-ти, называемом “Соломбалы”. В первой совсем некуда было поместиться, пришлось ехать в Соломбалы на маленьком пароходике, которые часто ходят взад и вперед. По приезде на Сол[овецкое] Соломбальское подворье нас поместили в номере второго этажа шесть человек: нас трое, двое ужских Новгородской губ[ернии] и один пермской купец. Прислуживают посетителям послушники Сол[овецкого] мон[астыря], например, самоварчик согреют, комнату приберут, а кушанье готовит уж кажды[й] про себя, кому чего заблагорассудится» (Смирнова, Беляева 2009: 312).

Иван Степанович Карпов, посетивший Соловки впервые в качестве паломника в 11-летнем возрасте в 1899 г., добирался с матерью из Красноборского уезда Вологодской губернии сперва неделю на барже, «платили по 50 копеек, а на пароходе надо платить рубль. За билет в Соловки нужно 4 рубля, но у нас денег не было, и мама подала в кассу 15 аршин белого полотна. Пароход «Михаил Архангел» небольшой, нас посадили в трюм. Поднялась такая качка, что людей и вещи кидало, как щепки, из стороны в сторону. <...> В гостиницу [в монастыре] нас не пустили, а отправили в купальню на Святое озеро, где после купания дали ярлык для входа во Святые ворота монастыря. Нашу нищенскую одежду мама вымыла и высушила на солнце на берегу моря. Пробыли мы в монастыре пять дней» (Маркелов, Гречишкина 1992: 12). В 1902 г., когда И.С. Карпову было 14 лет, он вернулся на Соловки в качестве обетника. Добирался до Архангельска так же – сперва «на барже за пароходом 8 дней. <...> Прибыли в Архангельск рано, море не очистилось ото льда, и Соловецкие пароходы еще не пришли. <...> Ночевали на Соловецком подворье. Наконец дождались Соловецкого парохода» (Маркелов, Гречишкина 1992: 16).

Монастырские послушания

Трудовые послушания распределялись монастырским начальством, учитывались возраст мальчиков, производственные навыки, способности, образование. Выбирать работу самому обетнику не разрешалось, так как все, поступавшие в монастырь, отказывались от своей воли. В случае плохого поведения или лени обетника могли выслать из монастыря, однако такие ситуации происходили очень редко. В основном прибывшие исполнить обет мальчики отличались скромностью, работоспособностью и хорошей дисциплиной (Смирнова, Беляева 2009: 307).

Обычно вопрос распределения на послушания решали наместник, строитель или старшая братия обителей – служебные старцы. К наместнику отправился, приехав на Соловки, Николай Васильевич Макаров: «...на третий день я сходил к наместнику, что б принял в число годовых богомольцев. Он <...> узнав, что я сапожник и по письменной части могу заниматься, сказал, что мы более нуждаемся в ремесленных, как в писарях, потому и отправил в сапожную мастерскую, предварительно просил сдать свое платье в рухлядную, а тебе там выдадут монастырское» (Смирнова, Беляева 2009: 317).

По воспоминаниям Егора Степановича Цыварева, «в [Соловецкий] монастырь до 900 человек годовиков [обетников] набирали. Приезжавших потрудиться по обещанию встречали на пристани, у каменной гостиницы, старосты – как теперь бригадиры. В монастыре ведь было и плотницкое, и столярное, и слесарное дело, и сельское хозяйство. Меня в монастырь отец привез. Он тоже работал в Соловках, тоже подростком 16–17 лет. Привел меня в келарскую, там определили меня старшим столовщиком в верхнюю братскую трапезную Успенского собора» (Цыварев 2010: 98).

В Трифоно-Печенгском монастыре обетников на послушания распределял также наместник. Николай Васильевич Макаров вспоминал: «...на другой день наместник <...> распределил богомольцев, приехавших по послушаниям, кто какие ремесла знает. Я назначен в сапожную мастерскую еще с другим богомольцем. А по приезде строителя исполнял послушание келейника при нем, в свободное время сапожничал. Потом строителем было избрано семь чтецов для исполнения монастырских служб и правила <...> В числе этих семи находился и я. Означенные послушания исполнял с 25 августа 1888 г[ода] по май м[есяц] 1889 г[ода]. С 1-го мая строитель отправил [меня] еще с двумя богомольцами – моршанским купцом А.И. Юсовым и моим земляком Р.И. Лоскутовым, на рыбные промыслы для забору от лопарей семги» (Смирнова, Беляева 2009: 320).

Аристарха Максимовича Черепанова по прибытии в Трифоно-Печенгский монастырь, сразу привлекли к работе: «Нас заставили разгружать. Носили мешки с мукой по 4,5 пуда. Другие мои товарищи носили

вдвоем, а я носил один по мешку. Я смолоду, да и всю жизнь на силу не обижался. По приходе в монастырь – скит. Нас повели в баню. Здесь же в бане <...> сменили всю одежду: выдали по сапогам, халату, а на голову островерхий колпак из плисовой материи (скуфья)» (Из воспоминаний Аристарха Черепанова б.г.).

Исключение из общей картины об участии руководства и старшей братии монастырей в распределении обетников на работы представляет рассказ Ивана Степановича Карпова. Так как у мальчика среди братии Соловецкой обители был родной дядя, то, прибыв на архипелаг, Иван пришел «к своему дяде Прокопию Петровичу». Уставщик клироса церкви святителя Филиппа посоветовал направить Ивана к регенту соборного хора. «Привел меня дядя. <...> Стоит фисгармония и висит на стене скрипка. [Уставщик] нажимает клавиши и заставляет тянуть звук. <...> Дядя дожидается результатов. Регент велел приходить на клирос в [Преображенский] собор <...>. Боже мой, какое удовлетворительное чувство я испытал тогда» (Маркелов, Гречишкина 1992: 16). На клиросе Преображенского собора Соловецкого монастыря И.С. Карпов пел два года (Щипин 2011: 52).

Основными послушаниями, на которых задействовали в монастырях детей-обетников, были сельскохозяйственные работы – выращивание овощей, сенокосы, работа в различных мастерских. Степан Гаврилович Королев работал в Макарьевской пустыни Соловецкого монастыря, выращивая в теплицах монастырского ботанического сада экзотические фрукты (Интервью Т.С. Минаевой 2022). У Николая Васильевича Макарова основными послушаниями были уход за лошадьми, выращивание капусты и изготовление деревянной посуды, работа на морских тонях (Смирнова, Беляева 2009: 317). Аристарх Максимович Черепанов рассказывал о своем первом послушании в монастыре – «возить песок на дорогу к морю. <...> Потом ходили на пожни по берегу реки Печенги, обставляли подпоры у каждого стога. <...> Через неделю с начала покоса меня определили в помощники кашевару. Продукцию мы переправляли по реке на баркасе. У нас было мясо оленье, больше солонина, но хорошее. В постные дни рыба – палтус, треска, зубатка, не всегда – кета. Бочонок коровьего топленого масла и растительное масло, крупа пшенная и гречневая. Для пищи было очень хорошо» (Из воспоминаний Аристарха Черепанова б.г.). Наиболее тяжелое послушание досталось Егору Степановичу Цывареву, он работал в соловецкой монастырской трапезной: «...работа столовщиком была тяжелая, сначала очень уставал, даже в глазах темнело». В трапезной кроме него работали и другие обетники на должностях хреновщика, квасника, сельдяника и ложкамоя (Цыварев 2010: 98).

Монастырский быт детей-обетников

Условия жизни в монастырях для обетников отличались от обычных условий крестьянского быта. По воспоминаниям Николая Васильевича

Макарова, в Соловецком монастыре «занятием или работой особенно не утруждают: утром встаешь в 5 часов, потому будят звонком, и с 5-ти до 8 ч[асов] работаешь, в 8 ч[асов] обед до 10-ти, 2 часа на обед, кто хочет – чай пей, если есть свой, а монастырского годовым не выдают, и поужинают 1 час, с 3-х до 6-ти работу продолжают, а в 6, кончивши, сразу же идут ужинать» (Смирнова, Беляева 2009: 317). В Трифоно-Печенгском монастыре, по записям Аристарха Максимовича Черепанова, распорядок дня был схожим: «Вставляли по колотушке (висела доска и в нее ударили молоточком) в 5 часов утра, в 6 – выход на работу, в 10 часов – чай на час, в 2 часа дня обед и 2 часа давалось на отдых. В 8 часов вечера – конец работы» (Из воспоминаний Аристарха Черепанова б.г.).

Монастырь обеспечивал детей казенной одеждой. Как вспоминал Николай Васильевич Макаров, давали «вместо фуражки колпак, а вместо пальто – балахон белый сурового полотна и такие же штаны, на ногах – бахилы или, по-нашему, прикройные сапоги» (Смирнова, Беляева 2009: 317). Про добротные монастырские сапоги, как символ богатой жизни, вспоминал и Степан Гаврилович Королев: «Сапоги у послушника были кирзовые, монастырь давал всем послушникам. Во как богато жили!» (Интервью Т.С. Минаевой 2022).

Обитель предоставляла мальчикам и бесплатное питание. В Трифоно-Печенгском монастыре, по рассказам Аристарха Максимовича Черепанова, «было две столовые, одна для рабочих, другая для монахов. В рабочей трапезе по скоромным дням варили мясной суп из соленой оленины и кашу пшеничную со скоромным, то есть растительным или животным маслом. Хлеба давали вволю, чаю – один и сахару – три фунта на месяц. Вволю давали очень хороший квас из солода. Одним словом, кормили хорошо. По праздникам давали белого хлеба – четверть булки обыкновенного пирога» (Из воспоминаний Аристарха Черепанова б.г.).

Почти все авторы воспоминаний пишут об особенностях жизни в монастырях, об условиях и правилах, которые отличались от крестьянского быта. Как вспоминал Иван Степанович Карпов, на все в монастыре необходимо было просить разрешения, причем особым образом: «Слово “дай” совершенно исключено в монастыре и заменено словом “благослови”. И мы, малыши, обращаясь между собой при просьбе, например, говорили: “Благослови, отец Иван, мне эту книгу”. Слово “отец” [было] обязательно прилагать к имени. Например, мы идем огребать снег и просим у мужика Семена лопаты и говорим: “Отец Семен, благослови лопату”. А он скажет: “Бог благословит”» (Маркелов, Гречишкина 1992: 16). За проступки и шалости обетников наказывали поклонами. На певчих, к которым относился Иван Степанович Карпов, поклоны «налагал регент». Если же обетники дрались друг с другом, то должны были обязательно просить друг у друга прощения (Маркелов, Гречишкина 1992: 17).

При этом, несмотря на трудовую занятость, по рассказам Ивана Степановича Карпова, мальчикам выделяли время для игр: «Пришла весна. На прогулку стали нас водить на луг к морю. Поиграть мячиком с расчетом времени, чтобы не отрезан нам был путь вернуться обратно домой. Прилив воды затопит дорогу, и нам придется сидеть 6 часов до спада воды. Наиграемся, лисиц и оленей насмотримся, возвращаемся в пять часов к чаю» (Маркелов, Гречишкина 1992: 19). Про игры с представителями соловецкой фауны во время работы в монастырском ботаническом саду вспоминал и Степан Гаврилович Королев: «...прибегала летом лисичка, потрется о сапог, как собачка, и рядом побежит» (Интервью Т.С. Минаевой...).

Особые правила касались и принятия пищи. В воспоминаниях Аристарха Максимовича Черепанова имеется информация о том, что обетникам в Трифоно-Печенгском монастыре «было предоставлено право ходить в любую столовую. Конечно, братская столовая была лучше. Когда захочется мясного супа, ходим и в рабочую столовую, так как мясная пища монахам запрещена. Но посты и постные дни соблюдались в обеих столовых. В братской трапезе нам подавали: 1 – отварная рыба со сливками, 2 – суп рыбный с макаронами, 3 – каша. По воскресеньям еще гуцца (творог) в жареном (топленом) молоке. В посты и постные дни молочная пища не подавалась. Во время обеда послушник игумена читал житие святых. Нам как от профессионалов [работников], так и от братии доставалось кое-что. Например, давали семгу, [пирог]-рыбники, на скотном дворе – жареное молоко с пенкой» (Из воспоминаний Аристарха Черепанова б.г.).

Знакомство детей-обетников с культурой других народов

Обетники, трудившиеся в Трифоно-Печенгском монастыре, рассказывали о жизни лопарей, посещавших Печенгскую обитель. Это были лопари-ижимцы, «т[ак] к[ак] жили ранее на реке Ижине и переселились на Кольскую землю <...> Говорят все по-русски недурно и знают церковную службу хорошо» (Смирнова Беляева 2009: 32).

Николай Васильевич Макаров вспоминал, что «в один из воскресных дней [обетники] отпросились у строителя посмотреть лопарский погост, до которого 4,5 или 5 верст, где живет одиннадцать семей лопарских. Дома (или тупы) очень низкой постройки, маленькие, немногим побольше, какими строятся бани, а окна самые большие в 1 арш[ин], а то и ½ арш[ина], продолговатые, некоторые дома даже без сеней, крытые круглыми тонкими бревушками, а сверх обложены дерном. Крыша и потолок одно и то же, т[ак] к[ак] потолков нет. При входе в тупу чувствуется запах неприятный от оленьих шкур. В сенях, где нет шалашей из прутьев, лежат несколько овец, т[ак] к[ак] у некоторых [лопарей] име-

ется и скот. В тупе русской печи и даже маленькой нет, а есть очаг. В одном из углов дома навалено на пол земли слой в 4–5 вершков, по стенам две больших в 1 ½ арш[ина] длины и ширины каменные плиты толщиной от 1 до 2 вершк[ов].»

Николай Васильевич описал особенности приготовления пищи лопарями, отличавшееся от русских традиций: «...на очаге варят кушанье и пекут, но только лепешки пресные, т[ак] к[ак] без заквасы, и пироги с рыбой, называемые кулебяки. Название справедливое, размешав тесто, кладут эту кулебяку на доску и пекут у очага, где огонь от дров, большей частью сосновых, поставленных, как в камине, стоямя, ударяет сильно, отчего часто перевертывают, т[ак] к[ак] пригорает, и переверот и в несколько раз – готова: сверху подгорело, снизу подопрело, а в середине – тесто, даже рыба не совсем допеченная, которой нас угощали. Но рыба хорошая, гольцы и язи, ловят в озерах в зимнее время, а также налим» (Смирнова, Беляева 2009: 323–324).

Оставил описание лопарских жилищ и Аристарх Максимович Черепанов. Однажды на покосе обетники трудились около селения лопарей – деревни Москва. Лопари в деревне отсутствовали, так как «летом кочевали у моря», что дало возможность обетникам спокойно осмотреть лопарское селение: «В деревне был один домик с печкой и окнами, по-видимому, владельца побогаче. Остальные около десятка лачужек, собранные из наноса и прибоя моря – всевозможных видов досок, палок и прочего. В одном углу стены обмазаны глиной и вверху дыра для выхода дыма. Вот и все устройство хижины». Далее Аристарх Максимович описал своеобразие быта лопарей: «Летом к лопарям приезжали скупщики, спаивали их водкой, забирали за бесценок рыбу и уезжали. Лопари даже не смогли запастись солью, но спасало их то, что скупщики не брали голов от рыб, и лопари сушили головы рыб на солнце и зимой ими и частично олениной питались. Одевались они зимой и летом в оленьи шкуры. Белья не было, и от них всегда был неприятный запах <...> Но свои оленьи наряды они умели украшать. Особенно красивы были головные уборы у женщин и обувь на ногах» (Из воспоминаний Аристарха Черепанова б.г.).

Подробно рассказал об одежде лопарей Николай Васильевич Макаров: в жилище «у потолка по стенам прикреплены шесты, на которых висит одежда лопарей, состоящая: “пичёк” – верхняя одежда, надеваемая с головы, т[ак] к[ак] без разреза, “ёры” – штаны, “каньги” – обувь и тут же большая шляпа, у некоторых опушенная по краям лисицей, и все это из оленьих шкур шьют жилами, заменяющими нитки. Женщины из овечьей шерсти вяжут рубашки, чулки и рукавицы» (Смирнова, Беляева 2009: 324).

Передвигались лопари на оленях: «повозки для одиночной езды – корёжи, для многоместной – нарты (легкие сани на высоких копылках).

Упряжь – нечто вроде хомута, надевается на шею снизу и наверху состегивается у самцов. Самки обычно комелые, иногда им надевают через голову. Это все равно, что мягкая лямка – петля внизу под грудью, к ней прикрепляется ремень – оглобля. С боков ничего нет. В руках у ездока длинный шест – хорей, длиной около двух метров. Им погоняет, а когда надо остановить, хорей бросает вперед, и олени останавливаются. С правого боку к узде на голове оленя прикрепляется одна возжина “ина”. Если нужно вправо, тянут за “ину”, а если влево, то ту же возжину перекидывают на левый бок и тоже тянут, и олени идут влево» (Из воспоминаний Аристарха Черепанова б.г.).

Николай Васильевич Макаров вспоминал, что, погостив в лопарской деревне, монастырские обетники попросили лопаря Кузьму Копытова довести их до обители на оленях: «...покуда пили чай, олени были уже готовы и запряжены в сани с аршинными вышиною копыльями на длинных полозьях в сажень[ь], а сиденье на конце полозьев». Кузьма Копытов заложил в эти сани пару. Упряжь состояла «из хомута мягкого, за который под шеей [оленя] пристегивается ремень, под животом проходит к саням, где и прикрепляют к саням. Сзади саней еще один олень привязывается за рога, он называется держальником, т[ак] к[ак] при спуске под горы упирается задний, а передние скачут в галоп» (Смирнова, Беляева 2009: 324).

Несмотря на бедность жилищ, лопари обязательно держали в домах православные иконы: «...в переднем углу у каждого лопаря есть какой-нибудь образ Спасителя, Богородицы или одного из святых, большей частью пр[еподобного] Трифона» (Смирнова, Беляева 2009: 324).

Однако, по словам Аристарха Максимовича Черепанова, хотя они и приезжали зимой в Печенгский монастырь каждое воскресенье, все же «в церкви вели себя непристойно: разговаривали, иногда ссорились и частенько вдруг шлепнут друг друга по плечи. Ведь другого места у них из-за шуб уязвимого нет, а большинство мужиков плешивые. Приезжали они не ради богомолья, а чтобы пообедать» (Из воспоминаний Аристарха Черепанова б.г.).

Аристарх Максимович Черепанов вспоминал и о приезде в монастырь и норвежцев, он охарактеризовал их так: «...норвежата – народ рослый, здоровый, белые, чистотлицы» (Из воспоминаний Аристарха Черепанова б.г.). С особенностями жизни Северной Норвегии познакомился в конце своего обетничества и Николай Васильевич Макаров. Ему удалось побывать за границей по дороге домой: «...из Печенгского монастыря до губы, т[о] е[сть] Баркиной колонии, отправились 6 мая, был еще снег, и ехали на оленях. От Баркиной колонии на ёле были доставлены на паром «Чижев» в числе настоятеля и четырех богомольцев. С разрешения побывали в двух норвежских городах – уездном Вадсе и губернском Вардэ. Вардэ – город небольшой, постройка большей частью деревянная, крытая железом, тесом, больше черепицей и прямо по подкалу –

дерном. <...> Осмотрели крепость, выложенную из кирпича, не очень высокая, не более 3–4 арш[ин] вышины» (Смирнова, Беляева 2009: 327).

Итоги пребывания детей-обетников в северных монастырях

Жизнь в монастыре и труд положительно сказывались на физическом состоянии обетников. Степан Гаврилович Королев вернулся домой через год обетничества широкоплечим, статным, сильным юношей (Из воспоминаний Аристарха Черепанова б.г.). Вырос «на целую голову» и Иван Степанович Карпов (Карпов б.г.).

Почти все авторы воспоминаний возвратились домой с результатами приобретенных трудовых навыков – с вырезанной собственноручно деревянной посудой или с полезными в крестьянском хозяйстве инструментами. Егор Степанович Цыварев «привез две ложки с перстами, картинку с монастырем, переплетный станок, крючок для выделки ложек» (Цыварев 2010: 102). Традиционную соловецкую деревянную расписную посуду, изготовленную своими руками, привез домой Николай Васильевич Макаров. По словам Ивана Степановича Карпова, монастырь давал подросткам-обетникам «направление в жизненный путь» (Щипин 2011: 52).

Авторы воспоминаний положительно отзывались о времени, проведенном в монастырях. Несмотря на то что образ жизни в обителях отличался от крестьянского уклада, подростки имели возможность не только работать, но и учиться, и играть, чего зачастую не могли делать дома. Обетники, трудившиеся в Трифоно-Печенгском монастыре, отмечали трудную морскую дорогу до обители, климатические особенности Кольского полуострова – короткий световой день и северное сияние, а также популярность обители преподобного Трифона Печенгского среди лопарей и норвежцев. Подросткам, работавшим в Соловецком монастыре, запомнились монастырские святыни и большое количество народа в обители – трудников, наемных работников, паломников. Авторы воспоминаний акцентировали внимание и на передовом монастырском хозяйстве, оснащенном по последнему слову техники. Егор Степанович Цыварев вспоминал, что во время своего послушания в трапезной он пользовался машинкой для чистки картошки: «...ее приводом вертели, в машину лилась вода, и картошка выходила почищенная, чистая» (Цыварев 2010: 99). Иван Степанович Карпов, вернувшись домой, заметил, что «в избе убожество, темнота, окна – маленькие дыры». Имея возможность сравнить хозяйство среднестатистического крестьянина с технически оснащенным монастырским хозяйством, Иван Степанович сделал неутешительный вывод: «...я увидел и понял свое убогое нищенское положение. В хозяйстве нет ни лошади, ни коровы, сенокосные наделы отданы мамой за пашню трех земельных наделов. Земля без удобрений и при

плохой вспашке начала пустеть и зарастать сорняками» (Маркелов, Гре-чишкина 1992: 22).

Почти всем авторам воспоминаний по окончании срока обетничества монастырское начальство предлагало остаться еще на некоторое время. Однако ни один из них не согласился: у Аристарха Максимовича Черепанова иссяк религиозный энтузиазм, Иван Степанович Карпов соскучился по дому, а Николай Васильевич Макаров, несмотря на то, что ему «монастырская жизнь в стороне от житейского моря была не противна», все же «истосковался в дикой и пустынной местности» Кольского полуострова.

Проведенное исследование дало возможность реконструировать часть «коллективной биографии» подростков-обетников, проживавших в обителях Архангельской губернии на рубеже XIX–XX вв. и оставивших воспоминания. В нарративных источниках отражены событийные закономерности данной части биографии годовиков: причины обета, возраст обетников, описание дороги до монастырей, распределение на послушания в обителях, выполнение послушаний, свободное время, отличие распорядка дня в монастыре от привычного для крестьянских мальчиков деревенского уклада.

Средний возраст авторов исследованных воспоминаний – 16 лет. Наиболее частой причиной их работы по обету в монастырях стала собственная болезнь, перенесенная в детском возрасте. Авторы воспоминаний отрабатывали обеты в двух северных монастырях – Спасо-Преображенском Соловецком и Свято-Троицком Трифоно-Печенгском. Из семи авторов воспоминаний пятеро работали по обету только в Соловецком монастыре, один трудился и на Соловках, и в Трифоно-Печенгской обители, а еще один – только в Трифоно-Печенгском монастыре. Время, проведенное подростками в монастырях, имело для них положительный результат – дети приобретали ремесленные навыки, обучались грамоте, социализировались в трудовой среде, имели возможность знакомиться с культурой других народов. Учитывая, что важную роль в составлении картины мира крестьян играли их поездки за пределы деревни (Плисак 2008: 126), можно сказать, что обетничество расширяло кругозор подростков. Их труд по обету в северных монастырях на рубеже XIX–XX вв. играл роль социального стабилизатора, служил связующим звеном между экономической деятельностью Церкви в лице монастырей и хозяйственными инициативами крестьянского социума. Обители способствовали росту своего авторитета среди местного населения, укрепляли связь с крестьянскими общинами, создавали предпосылки для возможного возвращения детей-обетников в монастыри в качестве наемных рабочих или насельников.

Переосмысление взаимоотношений различных слоев населения в дореволюционной России приобретает актуальность в условиях возрастающего общественного интереса к различным страницам прошлого нашей страны. Изучение сохранившихся нарративов, повествующих о

взаимоотношениях монашества и крестьянства на рубеже XIX–XX столетий, представляет собой важную часть воссоздания особенностей ушедшей эпохи, когда представления крестьян о мире дополняются описанием повседневных особенностей отдельной группы – монастырских подростков-обетников.

Список источников

- Алексеева Н.В. Обетная практика в православной традиции XVIII – XIX вв.: побудительные причины, формы, нормы поведения (по материалам европейского Севера России) // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2014. № 4 (28). С. 55–62.
- Бернштам Т.А. Русская народная культура Поморья в XIX – начале XX в. Л.: Наука, 1983. 233 с.
- Ведерникова Н.М. Соловки в памяти поморов (по материалам экспедиций в Поморье). М.: Институт Наследия, 2014. 320 с.
- Волкова Е. Соловецкий монастырь в воспоминаниях паломников и трудников (по материалам историко-этнографических экспедиций СГИАПМЗ) // Соловецкое море. 2010. № 9. С. 99–109.
- Воспоминания Григория Яковлевича Ситникова. Начало XX в. // ИРЛИ РАН. Мезенское собрание. № 151.
- Григорькин В.А. Новое концептуальное направление исследования культурного наследия // Известия Алтайского государственного университета. 2007. Вып. 4–2. С. 43–45.
- Дневник тотемского крестьянина А.А. Замалеева (1902–1922). М., 1995. 273 с.
- Из воспоминаний Аристарха Черепанова о Трифоновом монастыре // Сайт Свято-Троицкого Трифоно-Печенгского монастыря. URL: <http://trifon-luostari.cerkov.ru/2002/07/27/iz-vozpominanij-aristarxa-cherepanova-o-trifonovom-monastyre/> (дата обращения: 15.01.2024).
- Интервью Т.С. Минаевой с жительницей г. Архангельска О.В. Лебедевой-Королевой от 20.05.2022 [Текст стенограммы] // Частное собрание Т.С. Минаевой.
- Карпов И.С. По волнам житейского моря. Воспоминания. 1970-е гг. // ИРЛИ РАН. Красноборское собрание. № 162.
- Кондратьева В.Г., Карачун М.И. Дневник экспедиции в Приморский район. 1982 г. // Научный архив ФГБУК «Соловецкий государственный историко-архитектурный и природный музей-заповедник». Ф. 2. Оп. 1. Д. 156.
- Кондратьева В.Г., Курганова Л.В. Дневник экспедиции в Приморский район. 1983 г. // Научный архив ФГБУК «Соловецкий государственный историко-архитектурный и природный музей-заповедник». Ф. 2. Оп. 1. Д. 159.
- Кошелев Я.П., Балыченко Е.А. Дневник экспедиции на Кольский полуостров. 1981 г. // Научный архив ФГБУК «Соловецкий государственный историко-архитектурный и природный музей-заповедник». Ф. 2. Оп. 1. Д. 145.
- Кремлева И.А. Место обета в мировоззрении и повседневной жизни русского народа // Святость и святость в жизни русского народа: этнографическое исследование. М.: Наука, 2010. С. 241–284.
- Кремлева И.А. Мирской обет // Православная жизнь русских крестьян XIX–XX веков: Итоги этнографических исследований. М.: Наука, 2001. С. 229–250.
- Лебедева-Королева О.В. Нити времени. Архангельск: Лоция, 2019. 392 с.
- Маркелов Г.В., Грешишкина С.С. Карпов И.С. По волнам житейского моря. Воспоминания // Новый мир. 1992. № 1 (801). С. 7–77.
- Мужской род. Первое лицо. Единственное число: Дневники Д.И. Лукичева и Д.П. Беспалова. СПб.: Пропповский Центр, 2013. 288 с.

- Немирович-Данченко В.И. Соловки. Воспоминания и рассказы из поездки с богомольцами. СПб.: Издание П.П. Сойкина, 1901. 167 с.
- Петрова М.С. Просопография как метод исторического исследования // История через личность: Историческая биография сегодня. М.: Кругъ, 2005. С. 641–703.
- Плисак М.В. «Дневник крестьянина» как источник по истории мировоззрения сельского жителя (1916 г.) // Псков. Научно-практический, историко-краеведческий журнал. 2008. № 29. С. 125–129.
- Пронин А.А. Полифония как принцип наррации в биографическом фильме-портрете // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2015. № 4 (36). С. 180–189.
- Рождественская Н.И. Сказы и сказки Беломорья и Пинежья. Архангельск: Архгиз, 1941. 224 с.
- Слепцова И.С. «Коллективная биография» сельского социума (по материалам дневников ярославского крестьянина П.В. Бугрова) // Русский север. К 95-летию К.В. Чистова. Вып. 1: Идентичности, память, биографический текст. СПб.: Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, 2017. С. 79–96.
- Смирнова И.А., Беляева М.Л. Воспоминания обетника Николая Васильевича Макарова // Кириллов. Краеведческий альманах. 2009. Вып. 7. С. 306–333.
- Сошина А.А. Соловецкое богомолье // Соловецкий вестник. 1993. № 14 (79). С. 3–4.
- Текст дневника П.Т. Ананьина (подготовка публикации В.П. Ершова и И.В. Мельникова) // Кижский вестник. 2013. Вып. 14. С. 17–149.
- Федоров П.Ф. Соловки. Кронштадт: Кронштадтский вестник, 1889. 344 с.
- Цветкова Л.И., Трошина Т.И. Научный отчет, дневник экспедиции на Летний берег в 1987–1989 гг. // Научный архив ГБУК АО «Архангельский краеведческий музей». Ф. 3. Оп. 3. Д. 574.
- Цыварев Е.С. Воспоминания. Начало XX в. // Научный архива ФГБУК «Соловецкий государственный историко-архитектурный и природный музей-заповедник». Ф. 2. Оп. 2. Д. 78.
- Цыварев Е.С. Из воспоминаний годовика. 1908–1909 (из воспоминаний Егора Степановича Цыварева, бывшего в Соловецком монастыре годовиком с мая 1908 по июнь 1909 г.) // Соловецкий сборник. 2010. Вып. 6. С. 97–102.
- Щипин В. Исповедь грешника // Архангельская старина. 2011. № 1–2. С. 50–57.
- Юмашева Ю.Ю. Проблемы просопографии // Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер». 1994. № 12. URL: <http://aik-sng.ru/text/bullet/12/45-51.pdf> (дата обращения: 21.01.2024).
- Olsen H. Den østlige pilegrimsvei. Oppbrudd og vandring i russisk-ortodoks tradisjon. Oslo: Verbum, 2000. 237 p.
- Paganopoulos M. Land of the Virgin Mary: An ethnography of monastic life on Mount Athos. Doctoral dissertation, Goldsmiths, University of London, 2010.
- Rae E. The White Sea peninsula, a journey in Russian Lapland and Karelia. Printed by R. & R. Clark. Edinburgh: John Murray, Albemarle street, 1881. 425 p.

References

- Alekseeva N.V. (2014) Obetnaya praktika v pravoslavnoj tradicii XVIII – XIX vv.: pobuditel'ny'e prichiny, formy, normy povedeniya (po materialam evropejskogo Severa Rossii) [Vow Practice In The Orthodox Traditions Of XVIII - XIX Centuries: A Compelling Reasons, Forms, Behavioural Norms (Based On The Materials Of The European North Of Russia)], *Gumanitarij: aktual'ny'e problemy gumanitarnoj nauki i obrazovaniya*, 4 (28), pp. 55–62.
- Bernshtam T.A. (1983) *Russkaya narodnaya kul'tura Pomor'ya v XIX – nachale XX v.* [Russian folk culture of Pomorye in the 19th – early 20th centuries]. Leningrad: Nauka. 233 p.

- Dnevnik totemskogo krest'ianina* A.A. Zamaleeva (1902–1922) [Diary of a Totem peasant A.A. Zamaleeva (1902–1922)]. Moscow, 1995. 273 p.
- Fedorov P.F. (1889) *Solovki*. Kronshtadt: Kronshtadtskij vestnik, 344 p.
- Grigor'kin V.A. (2007) Novoe konceptual'noe napravlenie issledovaniya kul'turnogo naslediya [A New Conceptual Direction for Cultural Heritage Research], *Izvestiya Altajskogo gosudarstvennogo universiteta*, Vol. 4–2, pp. 43–45.
- Interv'iu T.S. Minaevoi s zhitel'nitsei g. Arkhangel'ska O.V. Lebedevoi-Korolevoi ot 20.05.2022 (Tekst stenogrammy) [Interview of T.S. Minaeva with a resident of Arkhangelsk O.V. Lebedeva-Koroleva from 20.05.2022 (Transcript)]. *Private collection of T.S. Minaeva*.
- Iz vospominanii Aristarkha Cherepanova o Trifonovom monastyre [From the memoirs of Aristarkh Cherepanov about the Trifonov Monastery], *Web-site of the Sviato-Troitskiy Trifono-Pechengskiy monastery*. Available at: <http://trifon-luostari.cerkov.ru/2002/07/27/iz-vospominanii-aristarxa-cherepanova-o-trifonovom-monastyre/> (Accessed 15.01.2024).
- Karpov I.S. Po volnam zHITEiskogo moria. Vospominaniia. 1970-e gg. [On the waves of the sea of life. Memories. 1970s.]. *IRLI RAN. Krasnoborskoe sobranie*. № 162.
- Kondrat'eva V.G., Karachun M.I. Dnevnik ekspeditsii v Primorskii raion. 1982 g. [Diary of the expedition to Primorsky district. 1982]. *Nauchnyi arkhiv FGBUK «Solovetskii gosudarstvennyi istoriko-arkhitekturnyi i prirodnyi muzei-zapovednik»* [Scientific archive of the Federal State Budgetary Cultural Institution "Solovetsky State Historical, Architectural and Natural Museum-Reserve"]. Fund 2, List 1, File 156.
- Kondrat'eva V.G., Kurganova L.V. Dnevnik ekspeditsii v Primorskii raion. 1983 g. [Diary of the expedition to Primorsky district. 1983]. *Nauchnyi arkhiv FGBUK «Solovetskii gosudarstvennyi istoriko-arkhitekturnyi i prirodnyi muzei-zapovednik»* [Scientific archive of the Federal State Budgetary Cultural Institution "Solovetsky State Historical, Architectural and Natural Museum-Reserve"]. Fund 2, List 1, File 159.
- Koshelev Ia.P., Balychenko E.A. Dnevnik ekspeditsii na Kol'skii poluostrov. 1981 g. [Diary of the expedition to the Kola Peninsula. 1981.]. *Nauchnyi arkhiv FGBUK «Solovetskii gosudarstvennyi istoriko-arkhitekturnyi i prirodnyi muzei-zapovednik»* [Scientific archive of the Federal State Budgetary Cultural Institution "Solovetsky State Historical, Architectural and Natural Museum-Reserve"]. Fund 2, List 1, File 145.
- Kremleva I.A. (2001) Mirskoj obet [Worldly vow]. In: *Pravoslavnaya zhizn' russkij krest'yan XIX–XX vekov: Itogi e'tnograficheskix issledovanij* [Orthodox life of Russian peasants in the 19th–20th centuries: Results of ethnographic research]. Moscow: Nauka, pp. 229–250.
- Kremleva I.A. (2010) Mesto obeta v mirovozzrenii i povsednevnoj zhizni russkogo naroda [The place of the vow in the worldview and everyday life of the Russian people]. In: *Svyaty`ni i svyatost` v zhizni russkogo naroda: e'tnograficheskoe issledovanie* [Shrines and Holiness in the Life of the Russian People: An Ethnographic Study]. Moscow: Nauka, pp. 241–284.
- Lebedeva-Koroleva O.V. (2019) *Niti vremeni* [Threads of Time]. Arkhangel'sk: Lotsiia. 392 p.
- Markelov G.V., Grechishkina S.S. (1992) Karpov I.S. – Po volnam zHITEiskogo moria. Vospominaniia [Karpov I.S. – On the waves of the sea of life. Memories], *Novyi mir*, no. 1 (801), pp. 7–77.
- Muzhskoi rod. Pervoe litso. Edinstvennoe chislo: Dnevniki D. I. Lukicheva i D. P. Bespalova [Masculine. First person. Singular: Diaries of D. I. Lukichev and D. P. Bespalov]. St. Petersburg: Proppovskii Tsentr, 2013. 288 p.
- Nemirovich-Danchenko V.I. (1901) *Solovki. Vospominaniya i rasskazy iz poezdki s bogomol'cami* [Solovki. Memories and stories from a trip with pilgrims]. St. Petersburg: Izdanie P.P. Sojkina, 167 p.
- Olsen H. (2000) *Den østlige pilegrimsvei. Oppbrudd og vandring i russisk-ortodoks tradisjon*. Oslo: Verbum. 237 p.
- Paganopoulos M. (2010) *Land of the Virgin Mary: An ethnography of monastic life on Mount Athos*. Doctoral dissertation, Goldsmiths, University of London.

- Petrova M.S. (2005) Prosopografiya kak metod istoricheskogo issledovaniya [Prosopography as a method of historical research], *Istoriya cherez lichnost': Istoricheskaya biografiya Segodnya* [History through personality: Historical biography today]. Moscow: Krug, pp. 641–703.
- Plisak M.V. (2008) «Dnevnik krest'yanina» kak istochnik po istorii mirovozzreniya sel'skogo zhitelya (1916 g.) ["The Diary of a Peasant" as a source on the history of the worldview of a rural resident (1916)], *Pskov. Nauchno-prakticheskij, istoriko-kraevedcheskij zhurnal*, no. 29, pp. 125–129.
- Pronin A.A. (2015) Polifoniya kak princip narracii v biograficheskom fil'me-portrete [Polyphony As The Principle Of Narration In The Biopic-Portrait], *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*, no. 4 (36), pp. 180–189.
- Rae E. (1881) *The White Sea peninsula, a journey in Russian Lapland and Karelia*. Printed by R. & R. Clark. Edinburgh: John Murray, Albemarle street. 425 p.
- Rozhdestvenskaia N.I. (1941) *Skazy i skazki Belomor'ia i Pinezh'ia* [Tales and fairy tales of Belomorje and Pinega]. Arkhangel'sk: Arkhgiz. 224 p.
- Shchipin V. (2011) Ispoved' greshnika [Confession of a Sinner], *Arkhangel'skaia starina*, no. 1–2, pp. 50–57.
- Sleptsova I.S. (2017) «Kollektivnaia biografiia» sel'skogo sotsiuma (po materialam dnevnikov iaroslavskogo krest'ianina P.V. Bugrova) ["Collective biography" of rural society (based on the diaries of the Yaroslavl peasant P.V. Bugrov)]. In: *Russkii sever. K 95-letiiu K.V. Chistova. Tom. Vypusk 1. Identichnosti, pamiat', biograficheskii tekst* [Russian North. On the 95th Anniversary of K.V. Chistov. Vol. Issue 1. Identities, Memory, Biographical Text]. St. Petersburg: Muzei antropologii i etnografii im. Petra Velikogo (Kunstkamera) RAN, pp. 79–96.
- Smirnova I.A., Beliaeva M.L. (2009) Vospominaniia obetnika Nikolaia Vasil'evicha Makarova [Memories of the monk Nikolai Vasilyevich Makarov], *Kirillov. Kraevedcheskii al'manakh*, Vol. 7, pp. 306–333.
- Soshina A.A. (1993) Soloveckoe bogomol'e [Solovetsky pilgrimage], *Soloveckij vestnik*, no. 14 (79), pp. 3–4.
- Tekst dnevnika P.T. Anan'ina (podgotovka publikatsii V.P. Ershova i I.V. Mel'nikova) [Text of the diary of P.T. Ananyin (preparation of publication by V.P. Ershov and I.V. Melnikov)], *Kizhskii vestnik*, 2013, Vol. 14, pp. 17–149.
- Tsvetkova L.I., Troshina T.I. Nauchnyi otchet, dnevnik ekspeditsii na Letnii bereg v 1987–1989 gg. [Scientific report, diary of the expedition to the Summer Coast in 1987–1989]. *Nauchnyi arkhiv GBUK AO «Arkhangel'skii kraevedcheskii muzei»* [Scientific archive of the State Budgetary Cultural Institution of Arkhangelsk Region "Arkhangelsk Museum of Local History"]. Fund 3, List 3, File 574.
- Tsyvarev E.S. (2010) Iz vospominanii godovika. 1908–1909 (iz vospominanii Egora Stepanovicha Tsyvareva, byvshego v Solovetskom monastyre godovikom s maia 1908 po iun' 1909 g.) [From the memoirs of a yearling. 1908–1909 (from the memoirs of Yegor Stepanovich Tsyvarev, who was a yearling at the Solovetsky Monastery from May 1908 to June 1909)], *Solovetskii sbornik*, Vol. 6, pp. 97–102.
- Tsyvarev E.S. Vospominaniia. Nachalo XX v. [Memories. Beginning of the 20th century.]. *Nauchnyi arkhiv FGBUK «Solovetskii gosudarstvennyi istoriko-arkhitekturnyi i prirodnyi muzei-zapovednik»* [Scientific archive of the Federal State Budgetary Cultural Institution "Solovetsky State Historical, Architectural and Natural Museum-Reserve"]. Fund 2, List 1, File 78.
- Vedernikova N.M. (2014) *Solovki v pamyati pomorov (po materialam ekspeditsij v Pomor'e)* [Solovki in the memory of the Pomors (based on materials from expeditions to Pomorje)]. Moscow: Institut Naslediya. 320 s.
- Volkova E. (2010) Solovetskii monastyr' v vospominaniakh palomnikov i trudnikov (po materialam istoriko-etnograficheskikh ekspeditsii SGIAPMZ) [Solovetsky Monastery in

the Memories of Pilgrims and Workers (Based on Materials of Historical and Ethnographic Expeditions of the SGIAPZ)], *Solovetskoe more*, no. 9, pp. 99–109.

Vospominaniia Grigoriia Iakovlevicha Sitnikova. Nachalo XX v. [Memories of Grigory Yakovlevich Sitnikov. Beginning of the 20th century.], *IRLI RAN. Mezenskoe sobr.* № 151.

Yumasheva Yu.Yu. (1994) Problemy prosopografii [Problems of Prosopography], *Informacionnyj byulleten' Associacii «Istoriya i komp'yuter»*, no. 12. Available at: <http://aik-sng.ru/text/bullet/12/45-51.pdf> (Accessed 21.01.2024).

Сведения об авторе:

ХАРИТОНОВА Яна Эдуардовна – старший научный сотрудник, Национальный парк «Кенозерский» (Архангельск, Россия). E-mail: khyana@rambler.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Yana E. Kharitonova, Kenozero National Park (Arkhangelsk, Russian Federation). E-mail: khyana@rambler.ru

The author declares no conflict of interests.

*Статья поступила в редакцию 27 марта 2023;
принята к публикации 11 мая 2025.*

*The article was submitted 27.03.2023;
accepted for publication 11.05.2025.*